

17. Смирнов А. А. Уильям Шекспир / А. А. Смирнов // Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. А. А. Смирнова и А. А. Аникста. – Москва : Искусство, 1957. – Т. 1. – С. 7–83.

18. Смирнов А. А. Эдуард II. Примечания / А. А. Смирнов // Марло К. Эдуард Второй: Трагедия в пяти актах / пер. А. Д. Радловой. – Москва : Искусство, 1957. – С. 191–199.

References

1. Gustav Shpet and shekspirovskiy krug. Pis'ma, dokumenty, perevody / ed. T. G. Shchedrina. – Moscow, St. Petersburg, Petroglif, 2013. – 760 p.

2. Zhatkin D. N., Dolgov A. P. Peri v russkoj poezzii // Russkaja rech'. 2007. № 3. pp. 3–8.

3. Zhatkin D. N. Anglijskaja romanticheskaja poezija v russkih perevodah 1840–1850-h gg. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija Russkaja Philologija. 2008. № 3. pp. 137–144.

4. Zhatkin D. N. «Lebed' Avzonii» // Russkaja Rech'. 2008. № 1. pp. 3–6.

5. Morozov M. M. Izbranniye stat'i i perevody. Moscow, GIHL, 1954. 596 p.

6. Morozov M. M. Kommentarii k p'yesam Shekspira. Moscow, Leningrad, Vserossiyskoye teatral'noye obshchestvo, 1941. 104 p.

7. Morozov M. M. Kristofer Marlo // Literaturniy kritik. 1938. № 5. pp. 114–122.

8. Morozov M. M. Smert' Kristofera Marlo // Iskusstvo i zhizn'. 1938. № 6. pp. 40–41.

9. Morozov M. M. Teatr Shekspira. Moscow, Vserossiyskoye teatral'noye obshchestvo, 1984. 304 p.

10. Morozov M. M. Shekspir // Istoriya angliyskoy literatury: in 3 vol. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences SSSR Publ., 1945. Vol. 1, № 2, pp. 7–71.

11. Morozov M. M. Shekspir, Berns, Shou... Moscow, Iskusstvo, 1967. 327 p.

12. Morozov M. M. Shekspir (1564–1616). 2nd ed. Moscow, Molodaya gvardiya, 1956. 216 p.

13. Morozov M. M. Yazyk i stil' Shekspira // Iz istorii angliyskogo realizma / ed. I. I. Anisimov. Moscow, Academy of Sciences SSSR Publ., 1941. pp. 5–56.

14. Smirnov A. A. Kristofer Marlo i yego istoricheskaya drama «Eduard II» // Marlo K. Eduard Vtoroy: Tragediya v pyati aktah. Moscow, Iskusstvo, 1957. pp. 3–16.

15. Smirnov A. A. Tvorchestvo Shekspira. Leningrad, Leningrad State Bol'shoj drama theatre named M. Gor'ky Publ., 1934. 203 p.

16. Smirnov A. A. Shekspir. Leningrad, Moscow, Iskusstvo, 1963. 192 p.

17. Smirnov A. A. Uil'yam Shekspir // Shekspir U. Polnoye sobraniye sochinenii: in 8 vol. Moscow, Iskusstvo, 1957. Vol. 1. pp. 7–83.

18. Smirnov A. A. Eduard II. Primechaniya // Marlo K. Eduard Vtoroy: Tragediya v pyati aktah. Moscow, Iskusstvo, 1957. pp. 191–199.

ПРОЗА О.М. СОМОВА И УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА

Костылева Ольга Борисовна, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

Петренко Александр Филиппович, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: apeteson@yandex.ru.

Статья посвящена изображению украинской жизни в художественной прозе писателя эпохи романтизма XIX века Ореста Сомова. Особое внимание уделено влиянию на творчество Сомова поэтики смехового фольклора восточных славян. Рассмотрено взаимодействие языческих и христианских представлений в произведениях писателя. Показана роль народно-праздничного веселья и связанных с ним традиций и образов в художественном мире Сомова.

Ключевые слова: Сомов, фольклорный смех, романтизм, украинская культура, праздничный смех, грубый комизм национальный характер

O. SOMOV'S PROSE AND THE UKRAINIAN FOLK LAUGHING CULTURE

Kostyleva Olga B., Candidate of Philology, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Kalinin ave., 9.

Petrenko Aleksander Ph., Candidate of Philology, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, Kalinin ave., 9, e-mail: apeteson@yandex.ru.

The article is devoted to depicting Ukrain life in the literary prose by Orest Somov, a writer of the epoch of the XIX century Romanticism. The authors pay a special attention to the influence of poetry of laughing folklore on Somov's novellas. Interaction of pagan and Christian notions in the writer's literary works is also considered. The role of folk-festive merry-making is shown together with the traditions and literary images of Somov's world.

Keywords: Somov, laughing folklore, Romanticism, Ukrainian culture, festive laughter, slapstick comedy humour, national character

Многие темы и образы прозы Ореста Михайловича Сомова – современника Пушкина и Гоголя – почерпнуты писателем из жизни украинского народа, в том числе с использованием поэтики смехового фольклора.

О.М. Сомов был далеко не единственным российским литератором первой трети XIX века, обратившимся к жизни Украины. Внимание русской словесности к этой теме стимулировалось по меньшей мере двумя факторами: во-первых, интересом романтиков к экзотике, ко всему яркому, необыкновенному, а следовательно, «поэтическому»; во-вторых, стремлением приобщиться к национальным корням, к фольклору, утвердив таким образом самобытность литературы и избавившись от подражательности, что было провозглашено лучшими писателями и критиками первой трети XIX века одной из главных задач художественного творчества.

М.М. Бахтин в книге о творчестве Рабле [2] показал нам корни «внешнего» комизма, уходящие в глубину тысячелетней истории народной смеховой культуры, карнавального мирозерцания. Орест Сомов, выходец из украинской культурной среды, перебравшийся затем в Петербург, в своих произведениях создаёт образ мира, находящийся на стыке российского и украинского национального сознания. При его изучении, кроме достаточно пассивной категории мирозерцания, необходимо подключать и более активные в плане взаимодействия человека и мира категории мировосприятия и миропонимания. «Миропонимание, – пишет А.М. Казиева, – можно определить как рациональное, осознаваемое измерение мировоззрения, мировосприятие – наоборот, чувственно-эмоциональное, связанное с глубинами подсознания» [3, с. 9].

Сразу отметим, что карнавализация затронула прозу О. Сомова в гораздо меньшей степени, чем его гениального современника Н.В. Гоголя. Тем не менее, в ряде сомовских произведений карнавальная смех заявляет о себе со всей определённой, и без учёта его особенностей представление о художественном мире писателя будет неполным.

Необходимо заметить, что Сомов разворачивает действие многих произведений на фоне или в преддверии праздника. В «Сказках о кладах» именно накануне Ивана Купала (праздник, отмеченный и Гоголем в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») происходит поиск гусаром Прытченко «папоротникова цветку» и связанные с этим последующие события. К этому же празднику нас отсылает рассказ «Купалов вечер», а попытки старухи выволить свою дочь из племени русалок («Русалка») приурочены к последнему дню т.н. *зелёной недели*.

Эти праздники показаны Сомовым как языческие, в результате чего получают преимущественно негативную этическую оценку (наиболее прямо с язычеством свя-

зан праздник в рассказе «Купалов вечер»). Однако с эстетической точки зрения всё гораздо сложнее. Как бы ни осуждал Сомов «тёмное» и опасное начало языческих праздников, праздничная обстановка притягивает и завораживает как героев, так и читателей.

Праздник помогает писателю в создании карнавальской атмосферы «весёлой вольности» (М. Бахтин), пусть временного, но освобождения от существующего строя, от господствующей правды. Он являет собой временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Праздник – это время, когда людям можно делать то, что в обычные дни нельзя, и когда возможно невозможное. Таким образом, это окно в иной мир, где рождается новое, обновляется сама жизнь.

Вольность, радостное мироощущение, коллективность праздничного действия – черты, которые Сомов взял из народной жизни. Вот как описан праздник в рассказе «Купалов вечер»: «Шум, песни, звон гуслей и соловьиные посвисты свирелей далеко разносились по долине. Витязь толкнул бодцем своего верного коня и пустился к ликующим. Белые тени мелькали перед ним на поляне, в стороне от ставок, перед ярко горящими огнями. Витязь подъезжает туда – и целая вереница красных девушек подбегает к нему, схватясь рука за руку. Девушки, одна другой краше, одна другой милее, окружают витязя и умильно зовут его сойти с борзого коня и веселиться с ними» [8, с. 93].

Правда, когда Кончислав и Услава остаются наедине, праздник оборачивается совершенно иной, трагичной стороной, в чём рассказчику видится расплата за уклонение героя от христианских ценностей: «Витязь взглянул на Усладу... перед ним сидела, ему коварно усмехалась злобная Русалка... вмиг она снова *залилась громким, исступлённым смехом*; и вмиг волны набегали ещё яростнее прежнего, налегали на Кончислава, теснили его дыхание, всё ближе и ближе, пока наконец совсем поглотили витязя, отвергавшего в душе своей приветные призывы Благочестия» [8, с. 94]. «Исступлённый смех», индивидуально-окрашенный и злобный, уже не имеет ничего общего с карнавалом. Трагический «перебив» праздника – результат романтического осмысления писателем фольклорных мотивов.

Заметно редуцировано праздничное веселье в рассказе Ивана Прытченко («Сказки о кладах») и в «Русалке»: «Эти *протяжные и заунывные* напевы отзывались каким-то *жалобным завываньем* у нас в ушах и холодили мне душу, как будто бы они вещевали нам *что-то недоброе*» («Сказки о кладах»). И веселье русалок в одноимённом произведении Сомова лишь в чём-то напоминает народно-праздничные гулянья, но писатель тщательно убирает приметы, которые свидетельствовали бы о *подлинной* радости: девушки мчатся «с гиканьем и ауканьем» – эти слова рассказчик повторяет несколько раз, словно подчёркивая нежизненность, механичность, мертвенность русалочьего веселья и не находя (не считая возможным найти!) каких-либо иных слов, описывающих развлечения потусторонних сил. Впрочем, Горпинка, рассказывая своей матери о жизни в русалках, приводит гораздо больше доводов о радостях иного мира, но её речь принципиально отделена от речевой манеры автора и его точки зрения.

Также вполне вероятно, что через народные поверья дошли до Сомова и затем преломились в его художественном сознании наиболее древние, архаичные, «докарнавальные» формы народного праздника, традиции ритуального смеха. В фольклорных источниках, которыми пользовался писатель, как нам представляется, не могло не произойти определённого напластования карнавального и докарнавального смеха. Л. Абрамян в работе «Первобытный праздник и мифология» показывает, что «в карнавальных действиях проявляются как бы два уровня: профанирующий – поздний и архаический – исконно народный, составляющий самую основу всех праздников» [1, с. 42].

Как известно, период летнего солнцестояния считался нашими предками временем активного «общения» живых и умерших. Кульминацией выступала ночь на Ивана Купала. Исследователи фольклора отмечают «брачную» обрядовость, проявляющуюся в особом «вакхическом» состоянии участников летнего торжества и испыты-

ваемом ими исключительном эмоциональном подъёме, выразившемся в том числе и в беспрестанных «смеяниях» [4, с. 262].

Смех очень естественно вписывался в общий мир звуков обрядового комплекса. Он образовал органичный симбиоз с криками, «шумами, возникающими в результате битья в металлические и деревянные предметы, хлопанием в ладоши, свистом... пением и инструментальными наигрышами» [6, с. 95]. Отметим, что в произведениях О. Сомова («Русалка», «Купалов вечер», «Сказки о кладах») субъектом смеха – «смеющимся лицом» – выступают не только люди, но и мифологические существа (русалки), смех которых содержит, очевидно, именно черты архаического смеха, двойного по своей сути: радостный, праздничный, с одной стороны, он всегда готов обернуться страшным, безумным и разрушающим.

Во многих народных поверьях возникал образ «русалочьего звящего смеха» или таинственного хохота русалочьей стаи, с помощью которого эти мифологические существа привлекали и заманивали к себе людей. Со временем русалочий хохот стал непременным атрибутом всех описаний этих образов народной демонологии, и в народном представлении русалка утвердилась вечно смеющимся существом. «Хохот – язык её общения с людьми и с себе подобными. Хохотом русалки обращают на себя внимание людей, с хохотом общаются друг с другом, уходят в лес, исчезают в воде, вступают в контакт с человеком...» [4, с. 266].

Не забудем, что русалки, согласно поверьям, охотились на людей, стремясь вступить с ними в физический контакт – защекотать. Считается, что таким образом они искали себе партнёров для чувственного сближения. Не прошёл мимо этих поверий и Сомов. Вот как оканчивается его «Русалка»: «На другой день после того, как русалка убежала от своей матери, нашли в лесу мёртвое тело. Это был поляк в охотничьем платье, и единоземцы его узнали в нём Казимира Чепку... никакой раны, никакого знака насильственной смерти не заметно было на теле; но лицо было синее, и все жилы в страшном напряжении... Врачи толковали то и другое; но народ объяснял дело гораздо проще: он говорил, что *покойника русалки защекотали*» [7, с. 143]. В итоге, если следовать фольклорным представлениям, Горпинка всё же удовлетворила свои притязания на тело возлюбленного, не реализованные при жизни.

Процесс щекотки тоже связан со смехом, но это смех физиологический, в каком-то смысле истерический и опустошающий. Возможно, близкий к ритуальному хохоту безумствующей толпы, он даровал человеку сладостные ощущения, смешанные с ужасом и паническим предчувствием надвигающейся беды. «Смех, даруемый русалкой-лоскотухой человеку, очаровывал его и одновременно воплощал в своём очаровании стихийную угрозу для жизни. Он погружал избранного русалкой в состояние смертельного экстаза» [4, с. 121]. Таким образом, и смех самих русалок, и смех, который они возбуждали в своих жертвах, содержал разрушительное начало и являлся отголоском древнего обрядового смеха, интерпретированного Сомовым в индивидуально-романтическом ключе.

Подлинное праздничное народное веселье мы встречаем уже в реальном мире, в атмосфере ярмарки, пира, свадьбы, сельского бала, кабацкой попойки. Карнавално-праздничным локусом открывается сюжет «малороссийской были» «Гайдамак» (1825) – первого опыта Сомова-повествователя. Начинается «быль» сценой ярмарки с её шумной толчеей и разноголосицей. Это позволяет автору сразу ввести читателя в самую сердцевину событий, водоворот которых вовлекает всё новых ярких и выразительных персонажей из гущи народной среды.

В главах из одноименной «малороссийской повести» карнавальное пространство развёрнуто ещё шире. «Простой народ пил, ел и дремал в роскошной лени зимою, зарывшись на печи в просо или овес...» – так образы еды и питья, карнавальные образы материального мира с первых строк входят в сомовское повествование. Затем следует описание «вечерниц» с традиционным праздничным весельем молодёжи. Примечательно, что при переходе от малороссийской жизни вообще к «частным картинкам» сюжета повести автор упоминает Воздвиженскую ярмарку (в отсутствие на Руси собственно карнавала ярмарочная жизнь в наибольшей степени передавала кар-

навальную атмосферу), а далее обращается к празднованию именин дочери пана Гриценко, плавно перетекающих в свадьбу. Таким образом, действие I–III глав проходит на фоне пира, в окружении пиршественных образов. «Пир всегда торжествует победу, – отмечал М. Бахтин, – это принадлежит к самой природе его. Пиршественное торжество – универсально: это – торжество жизни над смертью» [2, с. 312].

Гайдамак, присутствуя на пиру под видом польского пана, демонстрирует не только ловкость и хитрость, но и силу, удаль во всех проявлениях. «...В прежние годы я разгибал подковы и скручивал узлом железные кочерги...» – говорит Гаркуша, напоминая нам былинного богатыря. Удаливость проявляется и в способности гайдамака пить, не пьянея: «Пан Гриценко, у которого прежняя попойка уже затмила рассудок, принялся пить без всякого возражения; однако же не мог выпить всего за одним духом... У польского пана вино свободно лилось в горло; он выпил несколькими минутами прежде хозяина...»; и далее: «На него, как видно было, вино не сильно действовало, по привычке ли к таким попойкам, или потому, что он был крепок от природы» [7, с. 48–49].

Начавшись как праздник именин, застолье у пана Гриценко превратилось в свадебный пир. Разбойники, хитростью проникнув в дом и собираясь ограбить богатого помещика, меняют свои планы. Гаркуша помогает молодым соединить свои судьбы. Очевидно, что удаль, ловкость, обаяние гайдамака, способность пить, не пьянея, – это не только маскировка, не только качества, необходимые для успешного воровского налёта, но и своеобразное единение с пирующей массой. И не таким уж фальшивым представляется эпизод с «братанием» Гаркуши и пана Гриценко за чашей вина. «Пир на весь мир» – это тот утопический праздник, где каждый чувствует себя частичкой коллективного целого.

Интересно отметить, что в главе XIX мотивы пиршественного изобилия пана Просечинского даны уже в сатирических тонах. Празднично-карнавальное мироощущение уступает место едкой авторской иронии. Гиперболизированное карнавальное обжорство (писателем использован приём усиления) перебивается повтором лицемерных фраз пана Просечинского: «много, очень много», «я человек больной», «нынче постный день». Создаётся контраст между смыслом этих фраз и поведением персонажа; радость от материального (пищевого) изобилия, свойственная карнавальному мировоззрению, не реализуется, а переходит в смеховое обличение, критику автором богатого пана. Попутно заметим, что художественная литература знает и примеры карнавального «анти-пира» [см. об этом, напр.: 5], где пища также выполняет знаковые функции, но в противоположном, «перевернутом» смысле.

Прослеживается в карнавальном пространстве сомовского текста и характерная логика «обратности»: богатый польский пан, умеющий с надлежащей ловкостью вращаться в светском обществе, оказывается разбойником, т.е. асоциальной фигурой; хилый, немощный нищий оборачивается сильным и грозным Гаркушей; предатель Гершко, надеясь выгодно купить товары у «купцов», теряет не только деньги, но и жизнь и т.д.

Карнавал связан также с мотивами смерти и преисподней – в «Киевских ведьмах», «Сказке о Никите Вдовиниче», «Оборотне», «Кикиморе» созданы образы пляшущей и играющей смерти, происходят карнавальные перемещения «верха» и «низа», подмены и метаморфозы, травестирование и пародирование. Потусторонний мир – зачастую перевернутый «земной», а смерть – обратная сторона жизни: «В ином месте беззубые, дряхлые ведьмы, верхом на метлах, лопатах и ухватах, чинно и важно, как знатные паньи, танцевали польский с седьми, безобразными колдунами... Молодые ведьмы с безумным, неистовым смехом и взвизгиваньем, как пьяные бабы на веселье, плясали горлицу и метелицу с косматыми водяными...» [8, с. 105]. На примере этих произведений видно, как сложно и плодотворно взаимодействуют народно-реалистический (карнавальный) и романтический гротеск, что выводит прозу Сомова на новый уровень и с иным художественным качеством.

О. Сомов талантливо использовал русские и украинские фольклорно-этнографические материалы, творчески руководствуясь выработанной им эстетиче-

ской концепцией, и это (наряду с усилиями других литераторов) способствовало развитию национальной самобытности литературы. Широкое введение в русскую литературу украинской темы, картин малороссийской жизни, быта, национального характера стало одной из заслуг писателя.

Список литературы

1. Абрамян Л. Первобытный праздник и мифология / Л. Абрамян. – Ереван : Изд-во АН Арм. ССР, 1983. – 232 с.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1990. – 543 с.
3. Казиева А. М. Национальная культура и её место в цивилизационном пространстве страны / А. М. Казиева // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 1. – С. 7–12.
4. Лашенко С. Заклятие смехом: Опыт истолкования языческих ритуальных традиций восточных славян / С. Лашенко. – Москва : Ладомир, 2006. – 316 с.
5. Орлова Н. Еда и алкоголь в ритуализованном пространстве текстов С. Довлатова / Н. Орлова // Вестник ПГЛУ. – 2009. – № 4. – С. 229–233.
6. Пашина О. Календарно-песенный цикл у восточных славян / О. Пашина – Москва : Гос. ин-т искусствознания, 1998. – 292 с.
7. Сомов О. Были и небылицы / сост., вступ. ст. и примеч. Н. Н. Петруниной / О. Сомов. – Москва : Советская Россия, 1984. – 368 с.
8. Сомов О. Купалов вечер. Избранные произведения / О. Сомов. – Киев : Дніпро, 1991. – 559 с.

References

1. Abramjan L. Pervobytnyj prazdnik i mifologija. Erevan, Academy of Sciences Arm. SSR Publ., 1983. 232 p.
2. Bahtin M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. Moscow, Hudozh. literatura, 1990. 543 p.
3. Kazieva A. M. Nacional'naja kul'tura i ee mesto v civilizacionnom prostranstve strany // Gumanitarnye issledovanija, 2012, № 1, pp. 7–12.
4. Lashhenko S. Zakljatie smehom: Opyt istolkovanija jazycheskih ritual'nyh tradicij vostochnyh slavian. Moscow, Ladomir, 2006. 316 p.
5. Orlova N. Eda i alkogol' v ritualizovanom prostranstve tekstov S. Dovatova // Vestnik PGLU, 2009, № 4, pp. 229–233.
6. Pashina O. Kalendarno-pesennyj cikl u vostochnyh slavian. Moscow, Gos. in-t iskusstvoznaniya, 1998. 292 p.
7. Somov O. Byli i nebylicy. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1984. 368 p.
8. Somov O. Kupalov vecher. Izbrannye proizvedenija. Kiev, Dnipro, 1991. 559 p.

МОТИВ ЖЕНИТЬБЫ В ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОСАХ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТЫ

Талиева Камила Абдыраковна, кандидат филологических наук, вице-премьер-министр Кыргызской Республики, 720003, Кыргызстан, г. Бишкек, ул. Абдумомунова, 207, e-mail: k.taljeva@mail.ru.

В статье рассматривается мотив женитьбы, входящий в сюжеты героических эпосов тюркоязычных народов. Автор рассматривает кыргызские эпосы «Манас», «Эр Тоштюк», «Алпамыш», башкирский эпос «Урал батыр», акцентируя внимание на некоторых, с его точки зрения, наиболее важных факторах, обуславливающих жизнеспособность эпического текста в современных условиях.

Ключевые слова: кыргызская литература, тюркоязычные народы, фольклор, мифология, эпос, «Манас», «Эр Тоштюк», «Алпамыш», башкирский эпос «Урал батыр»